

АНТИКОММУНИЗМ КАК ФАКТОР ВЫСТРАИВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1991–1992 ГОДАХ

© 2022

Мочалов Д.П.¹, Магомедов Р.Р.^{1,2}

¹Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

²Оренбургский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение антикоммунистической составляющей во внешней политике Российской Федерации периода первых постсоветских лет. На материале общественно-политической периодики того времени и документов архива Президентского центра Б.Н. Ельцина прослеживается влияние борьбы с угрозой коммунистического реванша внутри страны на внешнюю политику государства. Рассматривается международная реакция на преследование коммунистической партии в России и попытки использовать данное событие для продвижения внешнеполитических интересов. Рассмотрены конкретные шаги российского руководства по борьбе с международным коммунистическим движением и оценка данной деятельности современниками. Выделяются различные концептуальные подходы к преодолению советского в сфере международных отношений, которые формулировались в России на тот момент. Обозначены основные направления использования антикоммунистической риторики при выстраивании отношений с рядом государств, успехи и провалы в данном направлении. Делается вывод о сохранении идеологической составляющей в российской внешней политике первых постсоветских лет, несмотря на декларации о деидеологизации данной сферы. Отмечается, что антикоммунизм новой власти не всегда являлся эффективным инструментом в достижении внешнеполитических целей и не всегда находил положительную оценку даже в странах запада.

Ключевые слова: антикоммунизм; внешняя политика; дело КПСС; международный отдел КПСС; экономические реформы; холодная война; Ельцин Борис Николаевич.

ANTI-COMMUNISM AS A FACTOR IN SHAPING THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1991–1992

© 2022

Mochalov D.P.¹, Magomedov R.R.^{1,2}

¹Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

²Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The purpose of the paper is to consider the anti-communist component in the foreign policy of the Russian Federation during the first post-Soviet years. Based on the material of the socio-political periodicals of that time and the documents of the archive of the Presidential Center of Boris Yeltsin, the influence of the struggle against the threat of communist revenge inside the country on the foreign policy of the state is traced. The paper examines the international reaction to the persecution of the Communist Party in Russia and attempts to use this event to promote foreign policy interests. The specific steps of the Russian leadership in the fight against the international communist movement and the assessment of this activity by contemporaries are considered. Various conceptual approaches to overcoming the Soviet in the field of international relations, which were formulated in Russia at that time, are highlighted. The main directions of using anti-communist rhetoric in building relations with a number of states, successes and failures in this direction are outlined. The conclusion is made about the preservation of the ideological component in the Russian foreign policy of the first post-Soviet years, despite the declarations on the de-ideologization of this sphere. It is noted that the anti-communism of the new government has not always been an effective tool in achieving foreign policy goals and has not always found a positive assessment even in Western countries.

Keywords: anti-communism; foreign policy; case of the CPSU; international department of the CPSU; economic reforms; cold war; Yeltsin Boris Nikolaevich.

После событий августа 1991 года Россия вступила в качественно новое состояние, которое характеризовалось обретением самостоятельности от союзного центра, сломом советского социалистического строя, переходом к ценностям либеральной демократии и рыночной экономики. В связи с этим радикально изменился контекст взаимодействия России с остальным мировым сообществом. В какой-то степени справедливо говорить, что именно в этот период внутриполитические потрясения как никогда определяли внешнеполитические задачи.

Одним из эпизодов российской политической жизни, которому было суждено повлиять и на международные отношения, стал запрет КПСС, рассмотрение конституционным судом дела о правомерности указов о приостановке ее деятельности и запрете, а также отказ от коммунистической идеологии на государственном уровне в целом. Целью данной статьи является оценка влияния антикоммунизма новой российской власти на выстраивание внешнеполитического курса Российской Федерации за период 1991–1992 гг. Данные хронологические рамки взяты от

момента приостановки и запрета деятельности КПСС на территории России и до вердикта Конституционного суда РФ о частичном смягчении антикоммунистического законодательства.

Внешняя политика постсоветской России рассматривается в целом ряде работ [1–3], но практически нигде антикоммунизм российских властей не выделяется в самостоятельную линию повествования. Немногие работы рассматривают влияние идеологических вопросов на внешнеполитический курс ельцинской России, но даже они – только в контексте преодоления прежних советских штампов, а не создания новых [4].

Отдельного упоминания достоин сборник под редакцией И.М. Клямкина «Россия и Запад: Внешняя политика Кремля глазами либералов». В этой работе есть тезис о том, что страх коммунистической реставрации в России настолько ослепил западных партнеров реформаторского правительства начала 1990-х, что они готовы были способствовать становлению не самого демократического, по оценке авторов, режима, чтобы ее избежать. Раздувание угрозы реставрации социализма на фоне показного антикоммунизма Б.Н. Ельцина настолько влияло на западные страны, что они не смогли воспользоваться ни одной из переломных точек, чтобы столкнуться формирующийся политический режим на иные рельсы [5, с. 31].

Из иностранной литературы примечателен коллективный доклад Трехсторонней комиссии «Взаимодействие с Россией. Следующая фаза». Авторы вполне твердо заявляют, что уход от коммунистической диктатуры – один из основных процессов, определяющих внешнеполитический курс России, но не конкретизируют то, как конкретно он отражается на внешнеполитических шагах российского правительства [6, с. 20–21].

Рассмотрению антикоммунизма как одного из источников российского внешнеполитического курса начала 1990-х годов до сих пор не посвящено отдельных крупных публикаций. С одной стороны, это вызвано непродолжительностью воздействия самого фактора. После падения Советского Союза борьба с коммунизмом потеряла былую актуальность и выпала из международной повестки, перейдя в разряд внутренних дел отдельных стран, где социалистические силы еще представляли какую-то проблему для правительств. С другой – это вызвано длительным господством штампа о «деидеологизации» международных отношений в России и мире после падения Берлинской стены. На тему попросту не было историографического запроса. Тем не менее обстоятельство современности показывают, что идеологическое противостояние все еще играет роль в отношениях держав. Это обуславливает актуальность рассмотрения того, как подобные факторы могли влиять на внешнюю политику страны после окончания холодной войны.

Одним из эпизодов внутренней антикоммунистической политики России, которому удалось вырваться на международную арену, стало так называемое «Дело КПСС». Оно было связано с попыткой прокоммунистических депутатов Верховного Совета России оспорить решение о запрете их партии и рассмотрением встречного иска депутатов-антикоммунистов о подтверждении запрета.

Известный советский диссидент В.К. Буковский, используя свои связи, подготовил для газеты «Известия» целый разворот, обобщающий положительные мнения о преследовании компартии со стороны Маргарет Тэтчер, Конгресса США, Хельсинской группы, Женевской инициативы по психиатрии и депутата Европарламента от Великобритании Николаса Бетелла [7]. Историк Р.Э. Пайпс также заявлял российской прессе, что запрет КПСС и её судебное преследование необходимо и вызовет большое уважение к России у американского общества [8]. Действовавший на тот момент президент Польши Лех Валенса комплиментарно высказывался о процессе, связывая с обвинительным приговором Конституционного суда РФ перспективы борьбы с коммунизмом и в самой Польше, а также рассматривал его как важный правовой урок для функционеров новой российской власти [9, с. 23].

Зачастую поддержка действий новой российской власти против КПСС была более чем сомнительна и, скорее, компрометировала новое российское руководство. Например, Независимый демократический союз Чили в своем поздравлении президенту Б.Н. Ельцину уже 26 августа 1991 года открыто сравнивал российского президента с Пиночетом и надеялся на помощь новой России в борьбе с коммунизмом в Латинской Америке [10, л. 172–177]. Осуждение ГКЧП и поддержку Ельцина публично высказали финские неонацисты [11, с. 5]. В ноябре 1992 года Всемирная лига Свободы и Демократии (до 1990 года – Всемирная антикоммунистическая лига) предложила провести симпозиум или даже свою плановую XXV сессию на территории России [12, л. 114]. Эти планы действительно осуществились в 1994 году, хотя организация имела правоэкстремистскую репутацию даже в странах Запада.

Неожиданно нейтральную позицию по вопросу занял З.К. Бжезинский, утверждавший, что борьба с коммунизмом бесперспективна, поскольку коммунизм мертв [13].

На момент 1992 года против преследования коммунистической партии высказались в открытом письме 11 членов Парламентской ассамблеи Совета Европы, представлявших левые партии 10 стран. Представители ПАСЕ отмечали: антикоммунистические указы Президента РФ вступают в противоречие с европейскими ценностями, и, если Россия хочет ускорить свое вступление в Совет Европы, их необходимо отменить [14, с. 5]. И это было, действительно, досадной неудачей для российской дипломатии, потому что 26 июня 1992 года, как раз в разгар рассмотрения «Дела КПСС» в Конституционном суде, Президент Б.Н. Ельцин инициировал процесс подготовки к вступлению в Совет Европы [15, л. 13–14].

Известный американский советолог С.Ф. Коэн тоже высказывался против преследования советской компартии. Он расценивал это как признак антидемократизма российского общества и откровенный политический процесс, цель которого – отвлечь население от текущих социально-экономических проблем, вызванных реформами, и перенести весь груз ответственности на прошлую власть [8].

Процесс не получил серьезного резонанса ни в России, ни на Западе, тем более что закончился он для новой власти довольно неудачно. Некоторые фак-

ты позволяют предположить, что определенного резонанса от него все же ждали. Например, на столь знаковое событие президентства Б.Н. Ельцина, как выступление перед Конгрессом США, Конституционный суд и антикоммунизм новой власти был представлен как некий политический аванс для совместного сотрудничества: «В прошлом году граждане России выдержали ещё один нелёгкий экзамен на зрелость. Мы сумели преодолеть в себе чувствомести. Не дали опьянить себя желанию немедленной и жестокой расправы над поверженным колоссом по имени КПСС. История не повторилась, партийная цитадель недалеко от Кремля – коммунистическая Бастилия – не была разрушена. В стране не появилось даже признаков насилия над коммунистами – люди просто стряхнули с себя ядовитую пыль прошлого и вернулись к своим делам. Российский суд Линча не состоялся, сейчас многолетние деяния коммунистической партии – предмет рассмотрения Конституционного суда РФ. Не сомневаюсь, он вынесет справедливый приговор» [16].

Со ссылкой на международные отношения пытался оказать давление на Конституционный суд тогдашний министр иностранных дел А.В. Козырев: «Если мы позволим себе засомневаться в антиконституционности КПСС, в международном сообществе это будет воспринято отнюдь не как свидетельство нашей демократической зрелости. Для демократических государств акты публичного покаяния – нормальное явление. Через признание своей ответственности за противоправные действия и добровольное принятие на себя обязательства не допустить их повторения прошли многие страны мира. Это не только ФРГ и Япония. Это и Франция, публично отторгнувшая позор режима Виши, и США, не раз каявшиеся в грехе расизма и до сих пор продолжающие искупать его» [Цит. по: 14, с. 18–19].

Впрочем, здесь нужно констатировать разницу в подходах. Для А.В. Козырева преследование компартии виделось как навязанное извне, как необходимый и неизбежный минимум, который страна должна уплатить за достижение новых целей на международной арене. В свою очередь, А.Ф. Добрынин в своих мемуарах трактовал антикоммунизм российской власти не как вынужденную уступку, а как добровольный шаг, позволяющий улучшить переговорные позиции: «Важно также не забывать, что мы не оказались (и не чувствуем себя) побежденными Америкой. Тоталитарную систему в СССР сломал наш народ, а не иностранные армии, как это было, например, с поражением германского нацизма и японского милитаризма. И эта важная особенность позволяет новой России заявлять о себе с самого начала как о равноправном партнере в международных отношениях, призвать США и другие страны к созданию новой системы европейской и глобальной безопасности с обязательным учетом интересов друг друга» [17, с. 679–680].

Некогда крупный советский дипломат В.В. Разуваев, анализируя внешнюю политику России тех лет, отмечал, что антикоммунизм в ней играет роль своеобразного «кнута», который должен уравновесить «пряник» уступок, а именно: «Если вы нам не можете, то скоро будете иметь дело с "красно-коричневыми"» [18]. Российская власть постоянно баланси-

ровала между заявлениями об угрозе реванша, чтобы получить желанную помощь, и уверениями о том, что полностью контролирует ситуацию, чтобы убедить партнеров, что они спасают правительстве, имеющее перспективы.

Например, Государственный секретарь США Джеймс Бейкер, отчитываясь перед конгрессом о своей поездке по бывшему Советскому Союзу, выразил опасение по поводу прокоммунистических демонстраций, которые мог наблюдать в России. Он разделял мнение А.В. Козырева, что коммунисты не несут реальной угрозы, но вместе с тем назвал подобные протесты серьезным показателем трудностей России и этим обосновывал необходимость оказания российским реформам всяческой помощи [19]. На встрече с главами дипломатических представительств, аккредитованных в Москве, Президент России Б.Н. Ельцин заявил следующее: «Каждая тысяча инвестиций укрепляет стабильность России, отодвигает нас от реванша красно-коричневых. Хотя не будем преувеличивать. Прошлое воскресенье [Имеется в виду 9 февраля 1992 года, когда прошла большая коммунистическая демонстрация в Москве под руководством движения «Трудовая Россия». – Д.М., Р.М.] показало – 74 года не прошли бесследно, большинство россиян к коммунистической идее уже не восприимчивы» [20, л. 32].

Иные противоречия в интерпретациях российского антикоммунизма тех лет отмечал в своей работе Я.А. Пляйс. Особо нужно отметить то, что она была издана в 1995 году, то есть отражает мнение современников. Одни считали, что с концом коммунизма заканчивается великодержавность и экспансионизм во внешней политике, другие, что отказ от коммунистической основы внешней политики не означает, что Россия отказалась от великодержавности и мессианства, они вполне могут существовать и на иной основе [4, с. 11].

Еще одним фактором, повлиявшим на общественно-политическую обстановку тех лет, стало то обстоятельство, что Россия не просто отказалась от покровительства международному коммунистическому движению, но и активно принялась его громить. Урон, нанесенный мировому коммунизму вследствие публикаций документов международного отдела ЦК КПСС, был колоссальным. В Италии дело дошло до начала совместных следственных мероприятий в отношении местной компартии [21–23]. Коммунистическая партия Великобритании была вынуждена провести публичное внутривнутрипартийное расследование, поскольку финансовая помощь от КПСС не была согласована с массой членов партии, и это сильно ударило по ее репутации [24]. В ходе международных контактов российское правительство время от времени намеренно провоцировало власти зарубежных государств на преследование местных коммунистических организаций [25; 26].

Огромный резонанс за рубежом получали публикации и выступления, вскрывающие секретный механизм финансирования коммунистических партий в различных частях света из бюджета КПСС [27]. Это касалось французской коммунистической партии [28; 29], португальской [30], английской [31], канадской [32], греческой [33] и индийской [34]. Регулярно публиковались материалы, обвиняющие полити-

ков и куда более умеренной направленности в контактах с советским посольством и международными структурами КПСС [35–37]. Ситуация усугублялась тем, что в случае с коммунистическими партиями речь шла не только о финансировании, но и о скрытой подготовке на территории СССР кадров, которые затем занимали ключевые посты в этих партиях и, в ходе выборов, даже в законодательных органах той или иной страны [30]. КПСС также могла тайно поддерживать не только целые партии, но и их отдельные просоветские крылья, вмешиваясь во внутренние дела данных партий [38, с. 27].

Подобные сведения выставляли данные организации в невыгодном свете, это позволяло бросить им обвинение в том, что они являлись не более чем «рукой Москвы» и никогда не представляли интересов своего народа. По мнению российских журналистов, английским лейбористам и итальянским коммунистам на выборах 1991–1992 годов пришлось непросто как раз из-за того, что в западную прессу просочились нелюбимые факты, ранее сокрытые в архивах ЦК КПСС [39; 40]. В каком-то смысле это тоже было вмешательство во внутренние дела этих стран, но уже на стороне правых партий.

Большой международный урон нанесло признание финансирования терроризма на Ближнем Востоке, от многих проявлений которого Советский Союз отмежевывался в своих заявлениях, но, как выяснилось, поддерживал де-факто [41; 27].

Необходимо заметить, что сами по себе эти действия не только не являлись чем-то уникальным в практике холодной войны [42], но даже отказ от них не был симметричным. Старые партии западной Европы открыто вели финансирование молодой многопартийности в бывших странах СЭВ [43, с. 32].

Наиболее существенной проблемой являлось другое: насколько выдача бывших партнеров за рубежом была по-настоящему выгодным действием. Для объективной оценки этого курса требуется отдельное исследование, но уже у современников мнения по этому вопросу существенно расходились.

Я.А. Пляйс считал коммунистическое движение в послевоенное время серьезным фактором международной жизни, который существенно помогал СССР в реализации его внешнеполитических целей [4, с. 17]. Соответственно, сдача этих позиций могла быть существенным предметом торга. Существовало мнение, что удар по международному коммунистическому движению имел последствия не только для России. Обозреватель «Известий» А. Аничкин констатировал, что поражение социализма в восточном блоке не привело к победе демократии в мировом масштабе. Нестабильность во многих регионах мира вызвала разрушительные волны эмиграции, которые привели к подъему правого экстремизма во всех точках планеты. Профашистские партии начали проходить в европейские парламенты, и крайние антикоммунисты, исчезновение которых прогнозировалось как естественный шаг после смерти самого коммунизма, вдруг резко начали обретать популярность [44]. Более того, под удар «тэтчеризма» и «рейгономики» попали не только левые радикалы, но и европейские социал-демократы: «Здесь, в Москве, казалось, что они в первую очередь воюют с нашим социализмом, нашей «империей зла», но в еще большей степени они вое-

вали с западным социализмом, с социал-демократической идеей о том, что богатые должны платить большие налоги, а государство – направлять эти деньги на помощь бедным (правда, нередко возмутительно щедрю и недопустимо неэффективную). Нам уже, должно быть, ясно, что победа над нашим социализмом одержана полная. Но еще не вполне ясно, что последствия этой промежуточной победы идут дальше нашей страны и, может быть, нашего времени» [44].

По мнению одного из обозревателей «Российской газеты», революционные движения в Латинской Америке существовали во многом благодаря субсидированию КПСС, а без этой поддержки регион превращался в простой и доступный для западных стран источник дешевой рабочей силы и сырьевых ресурсов [45].

Существовала, однако, и другая точка зрения: поддержка зарубежных компартий была чисто идеологической акцией, в реальности не несущей никаких политических выгод, потому что призрачным было влияние не только компартии Алжира и Доминиканы, но даже и крупных европейских компартий [46]. В некоторых странах, вроде Швейцарии, информация о финансировании местной компартии из Москвы воспринималась индифферентно как населением, так и властями страны [47]. А.Н. Яковлев оценивал последствия финансовой помощи конкретно западным компартиям как малоэффективную и не влиявшую существенно на международные отношения [48, с. 16; 49].

Прежде чем подвести итог исследованию, необходимо остановиться на том, как современники нового политического курса оценивали отказ от коммунистических практик на международной арене.

Евгений Новиков, профессор Института по изучению СССР при армии США, оценивал наличие двух центров внешней политики в Советском Союзе, государственного и партийного, как существенный изъян. Весь его материал, опубликованный в журнале «Столица», исходит из положения, что, пока МИД СССР руководствовался прагматикой государственных интересов, Международный отдел ЦК КПСС исходил из идеологических догм. Эта дихотомия, когда она приводила к противоречиям, воплощалась в неспособности реализовать последовательно ни политический курс на сотрудничество с западными режимами, ни довести до логического финала подрывную работу против них [50]. Автор отдельно акцентирует внимание на том, что, помимо вышеупомянутой проблемы, международный отдел ЦК КПСС в своей деятельности, в отличие от МИДа, пренебрегал международным правом и иными нормами межгосударственных отношений цивилизованных государств [50, с. 36]. Почти дословно такую же позицию высказывал в 1991 году и сам Б.Н. Ельцин [51, л. 135–136]. Я.А. Пляйс этой оценки не разделял, считая, что коммунистическая фразеология всегда была для Советского Союза не более чем камуфляжем, и в сфере внешней политики это проявлялось более чем в иной [4, с. 12].

Даже если принять оценку, что дихотомия между прагматизмом и идеологией существовала и на данный момент осталась в советском прошлом, она как минимум первое время продолжала преследовать и новую Россию. Ситуацией, при которой Москва превращается в «антикоммунистическую Мекку» мира,

был обеспокоен МИД. Уже в августе 1991, комментируя приветственное послание от китайских правозащитников, МИД рекомендовал президенту воздержаться от ответных антикоммунистических и правозащитных заявлений на международной арене, как минимум до того, как новое государство выстроит новые контуры отношений с КНР [52, л. 154]. Советник министра иностранных дел Э. Агаев призывал не ударяться в новое, теперь уже демократическое, мессианство [53].

Таким образом, несмотря на официальные декларации о прагматизме и деидеологизации, старые сюжеты частично повторялись. Газета «Известия» сообщала, что в течение примерно полугодия после провала ГКЧП дипломатические отношения между демократической Россией и коммунистическим Китаем находились в напряженной паузе: КНР рассматривала свержение и запрет КПСС как прямую угрозу своему режиму, а российское руководство с недоверием смотрело на страну, где движение, созвучное его лозунгам, было подавлено танками. С одной стороны, Россия шла на уступки по Тайваньской проблеме, с другой – поддержала расследование нарушений прав человека в Тибете на уровне ООН, явно блокируя с западными странами против КНР [54].

В заключение нужно отметить, что публичное осуждение коммунизма не было однозначным процессом практически ни в одном из своих аспектов. «Дело КПСС», приводящее в восторг одни политические силы на Западе, вызывало протесты у других. Одностороннее покаяние, как и выдача бывших союзников, имела двойные последствия и трактовку даже у сочувствующих новой власти.

Об итогах антикоммунистической политики Б.Н. Ельцина косвенно свидетельствует аналитическая записка В.Б. Размустова, содержащая оценку американскими советологами российско-американских отношений. Российская дипломатия в целом оценивалась как «неумелая и неэффективная» [55, л. 46]. Уже достигнутые успехи не продвигаются – нет того, что называют «public relations». Нет работы с прессой, с эмиграцией, с лидерами общественного мнения, лоббирования [55, л. 47–48]. Какие-либо акции, связанные с разоблачением коммунистического движения, здесь прямо не упомянуты, но можно условно отнести этот фактор к проблеме неумения подать свои успехи так, чтобы извлечь из них максимальный эффект. То есть на данном этапе эта политика не принесла России долгосрочных выгод. Вместе с тем однозначно отрицательная ее оценка преждевременна, поскольку именно антикоммунизм Б.Н. Ельцина, в который Запад искренне поверил, стал одной из ведущих причин той поддержки из-за рубежа, которую он получил во время избирательной кампании 1996 г.

Список литературы:

1. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 274 с.
2. Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 2003. 94 с.
3. Ковальчук А.Т. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. М.: Аспект Пресс, 2015. 174 с.

4. Пляйс Я.А. Россия и мир на пороге XXI века. Актуальные проблемы современной внешней политики России. М.: Изд-во Московского государственного университета коммерции, 1995. 110 с.

5. Россия и Запад. Внешняя политика Кремля глазами либералов / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Либеральная миссия, 2009. 86 с.

6. Ватанабэ К. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: доклад для Трехсторонней комиссии рабочей группы в составе: Кодзи Ватанабэ (от Азиатско-Тихоокеанского региона), Родерик Лайн (от Европы), Строб Тэлбот (от Северной Америки) / пер. с англ. Д. Васильева. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 251 с.

7. Буковский В.К. Коммунизм и демократия несовместимы // Известия. 1992. № 166 (23740). С. 3.

8. Мнение зарубежных наблюдателей // Труд. 1992. № 103 (21627). С. 1.

9. Борецкий Р. [Интервью с Л. Валенсой] Катинский крест на коммунизме // Новое время. 1992. № 44 (2470). С. 22–23.

10. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 170.

11. Шмыгановский В. Товарищ фюрер // Известия. 1991. № 249 (23515). С. 1.

12. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 161.

13. Прохвятилов В. Збигнев Бжезинский предостерегает демократов России от компромиссов с реакцией // Независимая газета. 1991. № 158. С. 1.

14. Боголюбов С.А. КПСС: хроника суда. М.: Независимая служба мира, 1993. 125 с.

15. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 8. Оп. 2. Д. 2.

16. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 20. № fono_060.

17. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: ИПО «Автор», 1996. 687 с.

18. Разуваев В.В. О кнутах и пряниках // Независимая газета. 1992. № 44 (215). С. 4.

19. Шальнев А. Дж. Бейкер отчитывается перед Конгрессом // Известия. 1992. № 47 (23621). С. 5.

20. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 107.

21. КПСС под «колпаком» // Россия. 1992. № 18 (77). С. 2.

22. Шевцов О. Чем был набит портфель Степанкова, если не ордерами на обыск? // Комсомольская правда. 1992. № 110 (20410). С. 3.

23. Шевцов О. Время собирать деньги // Комсомольская правда. 1992. № 112 (20412). С. 3.

24. Бурмистенко А. Деньги КПСС: след терялся в лондонском тумане // Труд. 1991. № 266 (21490). С. 3.

25. В несколько строк // Комсомольская правда. 1991. № 296 (20296). С. 3.

26. Ускользает тень большевизма // Российская газета. 1991. № 276 (322). С. 3.

27. Мочалов Д.П., Невзорова И.В. Деятельность международного отдела ЦК КПСС по материалам конституционного суда РФ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1 (57). С. 62–71.

28. Панкратов А. Партийный долг платежом красен // Комсомольская правда. 1991. № 244 (20244). С. 1.

29. Мозаика событий // Российская газета. 1991. № 209 (255). С. 3.

30. Соколов С. Золото партии: дан приказ ему на запад // Комсомольская правда. 1991. № 251 (20251). С. 1–3.
31. Бастуйте, за все упрочено! // Комсомольская правда. 1991. № 270–271 (20270–20271). С. 3.
32. Веденяпин П. Деньги КПСС: канадские финансисты все знали // Комсомольская правда. 1992. № 58 (20358). С. 3.
33. Греческая газета раскрыла механизм финансирования КПГ // Известия. 1992. № 104 (23678). С. 5.
34. Паклин Н. Скандал вокруг финансирования политических партий Индии // Известия. 1992. № 72 (23646). С. 4.
35. Куприянов А. Какой же лидер оппозиции откажется от посольской водки // Комсомольская правда. 1992. № 28 (20328). С. 3.
36. Бурмистенко А. Старые грехи старой площади // Труд. 1992. № 24 (21548). С. 3.
37. Абарин В., Кричевский Г. Нил Киннок с КПСС дружил, но родину не продал // Независимая газета. 1992. № 23 (194). С. 1.
38. Букалов А. Портфель генерального прокурора // Новое время. 1992. № 27 (2453). С. 26–28.
39. Бабец Д. Генералы бумажных карьеров // Комсомольская правда. 1992. № 197 (20497). С. 2.
40. Ильинский М. Почему президент Косига просит допросить его // Известия. 1991. № 287 (23553). С. 6.
41. Млечин Л. Ученики стреляют в учителей // Новое время. 1992. № 19 (2445). С. 34–38.
42. Ильинский М. Американские спецслужбы оплачивали подпольные структуры в Италии // Известия. 1991. № 263 (23529). С. 4.
43. Дидусенко А.левой ногой в 1992-й? // Новое время. 1992. № 7 (2433). С. 32–34.
44. Аничкин А. Маятник качнулся вправо // Известия. 1991. № 304 (23570). С. 6.
45. Рыженкова Т. Как вернуть «сбежавшие» миллиарды // Российская газета. 1992. № 97 (433). С. 7.
46. Соколов С., Плужников С. Щедрость КПСС не знала границ // Комсомольская правда. 1992. № 65 (20365). С. 3.
47. Головачев В. [Интервью с В.Г. Степанковым] Мы обнаружим все уже в этом году // Труд. 1992. № 32 (21556). С. 4.
48. Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор (версия следствия) // Огонек. 1992. № 40–41 (3402–3403). С. 14–16.
49. Остальский А. [Интервью с А.Н. Яковлевым] Возможно, мне мстят те же люди // Известия. 1992. № 39 (23613). С. 2.
50. Новиков Е. Невидимые этажи советской внешней политики // Столица. 1991. № 44 (50). С. 35–37.
51. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115.
52. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 169.
53. Агаев Э. Россия – прежде всего // Московские новости. 1992. № 18 (613). С. 12.
54. Юсин М. Москва – Пекин: полоса испытаний // Известия. 1992. № 71 (23645). С. 6.
55. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 108.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Мочалов Дмитрий Петрович, специалист отдела научных программ, грантов и хозяйственной деятельности; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация). E-mail: dosoldschool@yandex.ru.</p> <p>Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация); профессор кафедры социально-гуманитарных и математических дисциплин; Оренбургский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Оренбург, Российская Федерация). E-mail: rr-magomedov@yandex.ru.</p>	<p>Mochalov Dmitriy Petrovich, specialist of Scientific Programs, Grants and Contractual Activities Department; Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dosoldschool@yandex.ru.</p> <p>Magomedov Ramazan Radzhabovich, doctor of historical sciences, professor of World History and Methods of Teaching of History and Social Studies Department; Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation); professor of Social, Humanities and Mathematical Disciplines Department; Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Orenburg, Russian Federation). E-mail: rr-magomedov@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Мочалов Д.П., Магомедов Р.Р. Антикоммунизм как фактор выстраивания внешнеполитического курса Российской Федерации в 1991–1992 годах // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 218–223. DOI: 10.55355/snv2022114209.